

Ожидаю худшего, а надеюсь на лучшее

Наи бывший
соотечественник
композитор
Александр ЖУРБИН
в Москве не живет
уж десять лет.
Он перебрался в Америку,
но на родину приезжает
довольно часто.
В Нью-Йорке чем только
не занимался: работал
на радио, создал русский
театр, в спектаклях
которого играла Елена
Соловей, дважды провел
фестиваль русского кино.
И, конечно, продолжал
писать музыку.

— В 1986 году мы с женой впервые приехали в Нью-Йорк к нашей американской подруге. У меня была высокая температура, пришлось посидеть дома, а моя Ира отправилась на Бродвей. Вернулась со словами, что хочет жить в этом городе. На дворе был октябрь — лучшая пора в Нью-Йорке. Прошелся по Бродвею и я. К тому моменту много где удалось побывать: в Лондоне, Париже, Италии. Много повидал. И все же Нью-Йорк произвел совершенно необыкновенное впечатление. Мы погрузились в музыкальную и театральную жизнь, ходили на невероятные оперные спектакли и мюзиклы. И ночная жизнь кипела — бары, рестораны. Не забывайте, что Советский Союз еще существовал, хотя началась перестройка. У нас многое еще было нельзя, и в одиннадцать вечера в Москве замирала жизнь. Мы влюбились в Нью-Йорк и поняли, что хотим пожить в Америке. Планов переезда тогда не было. Потом я еще раз пять ездил в Америку по разным поводам. Получил несколько интересных предложений, связанных с работой. Тогда это уже было возможно. Не требовалось для этого эмигрировать, не было парткома и месткома. Сел в самолет и поехал работать в Америку. Было мне тогда сорок четыре года.

Сначала подписал контракт на три года, потом еще на три. Так прошло шесть лет, и стало ясно, что возвращение назад почти невозможно. С человеком, долго живущим за границей, происходят внутренние перемены.

Возможно, в ближайшее время я приеду в Россию на более длительный срок. У меня есть несколько музыкальных проектов, проектов, связанных с театром, кино. Собираюсь провести фестиваль собственного творчества, объединить несколько спектаклей, фильмов, концертов под условным названием "Десять лет отсутствия".

— Давайте посмотрим на жизнь, как на две чаши весов. Что было тут и что там?

— Тут — карьера прежде всего. Я достиг в профессии потолка. Был известным композитором. Сочинял музыку для театра и кино, гастролировал по всей стране, выезжал за границу, зарабатывал приличные деньги. Имел славу, богатство, почет. Но чувство неудовлетворенности тем не менее меня не покидало.

Кроме того, к 90-м году в России наступили странные времена. Экономически все было плохо. Но главное — в духовном плане дело обстояло не лучшим образом. Вдруг всех перестало интересоваться искусством как таковым. Люди мало ходили в театр и в кино, не читали книг. Был мрачный период русской духовной истории. По прошествии десяти лет это стало явным. Именно тогда мне предложили солнечный контракт в Нью-Йорке. Мы уехали. И я ни секунды не жалею об этом. На вопросы о том, что было бы, если бы я не уехал тогда, мне трудно ответить. Может, и неплохо бы все сложилось,

А.Журбин

лось, а может, стало бы худо. Мне очень нравится то, что я последние десять лет провел в Америке и вступил в новое измерение своей жизни.

— А в творчестве соизмеримо то, что сделано там и тут?

— Считаю, что за эти десять лет сделал не так уж и много в композиторской своей жизни, несмотря на то, что написал оперу, балет, симфонию, концерт для виолончели с оркестром, три мюзикла, камерную музыку, кантату на стихи Бродского. То есть я работал, писал музыку. Но мне не удалось стать композитором, который пишет музыку по-американски. Существует расхожее мнение, что музыка — это интернациональный язык, она не нуждается в переводе. Абсолютно ложное утверждение. Даже польская музыка отличается от чешской, а уж русская и американская — абсолютно разные. Научиться говорить на музыкальном языке другой страны куда сложнее, чем выучиться говорить по-английски. Поэтому так мало композиторов, ставших успешными в другой стране.

Вот когда я организовываю фестиваль собственного творчества в России и открываю людям то, что я сделал за последние годы — никто же об этом не знает, — тогда можно будет сказать: "Смотри-ка, а он не пропал!"

В Америке я открыл в себе новые возможности. Прежде я не занимался продюсерством, журналистикой. Был просто композитором, писал музыку и получал за это деньги. Жизнь научила многому другому: играть на рояле, заниматься аранжировкой чужой музыки, быть радиожурналистом и продюсером. Выпустил книгу, заканчиваю следующую. Запланировал написать еще книг восемь — есть в моей жизни кусочки, которые будут постепенно выплывать. Занимаюсь самыми разными вещами и стараюсь честно выполнять данное мне Богом поручение. Помните: дар — это поручение. Всегда ожидаю худшего и надеюсь на лучшее.

Я горжусь тем, что долгие годы продолжаю работать как композитор кино и театра. Несколько российских театров собираются поставить мною написанное. Недавно по-

бывал в Минске, где отмечалось 25-летие моей оперы "Орфей и Эвридика", — столько лет идет этот спектакль и сыгран три тысячи раз. В театре "Шолом" состоялась премьера моего мюзикла "Блуждающие звезды". В Минске ставяю мою оперу "Разбитое зеркало". В Нью-Йорке планирую сделать шоу "Из России с песней". Буду один за роялем, стану петь, говорить по-английски. Это офф-бродвейский проект. Есть уже и продюсер, и деньги. Заканчиваю концерт для скрипки с оркестром. Работаю вовсю. Надеюсь еще удивить мир.

— Что же меняется в человеке, долгое время находящемся в чужой стране?

— Добавляется то, что можно назвать словом "толерантность". Есть такое замечательное слово, которое с трудом переводится на русский язык и чаще всего, как "терпимость". На самом деле толерантность означает то, что гораздо спокойнее и понятливее относиться к нуждам других людей. Свобода — это ведь возможность вести себя так, чтобы не досаждал другим. Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека. Надо уметь вести себя так, чтобы в обществе, в котором ты живешь, не доставлять никому особых хлопот. Все попытки нарушить такую свободу в Америке мгновенно пресекаются. В России, к примеру, разбушевавшийся в ресторане человек пользуется особой любовью. Его рассматривают: надо же, написал, бьет кого-то стаканом по голове, вот человек гуляет, какой молодец. В Америке полиция немедленно наденет такому господину наручники и правильно сделает. Кроме того, в Америке быстро привыкаешь к комфорту.

Мне трудно судить о собственных качествах. Мне-то, как и любому другому человеку, кажется, что я с детства не менялся. Те, кто давно меня не видел, говорят, что я стал гораздо спокойнее. Суета уходит. Наступает с годами момент, когда перестаешь гоняться за ерундой, задумываешься о вечности. Вот и я стал сосредоточеннее. Ностальгия у меня нет и не было, поскольку я регулярно бываю в России. Ностальгия может быть только

по чему-то недостижимому, по молодости, например.

— Один известный политик недавно сказал, что счастье — это здоровье, свобода, деньги, а если очень повезет, то еще и любовь в придачу. У вас есть формула счастья?

— Это мир с самим собой. Деньги, конечно, хорошо, но можно и без них прожить. Здоровье — это самое важное. Но Ницше, например, был тяжело больным человеком, однако, подозреваю, что он был счастливым. Мы все чем-то скованы. Человек опутан тысячей нитей семейных и социальных обязательств. Свобода — всегда некая иллюзия. Счастье — это возможность быть довольным самим собой, когда ты говоришь себе: "Как хорошо, вышел на улицу — солнце светит, дождик пошел". "Замечательные самые простые и прекрасные вещи. К миру внутри себя человек приходит после огромного труда и суеты."

— Вы отправлялись в Америку с контрактом в руках, но с вами ехали жена и ребенок. Самореализация им была тоже важна...

— За ребенка я был больше всего спокоен. Время подтвердило мою правоту. Сыну было тогда одиннадцать лет. В столь юном возрасте адаптация происходит радостно. Сейчас мой сын стал абсолютным американцем, но при этом остается русским мальчиком. Хотя русских книг не читает, русских песен не слушает. В семье мы, естественно, говорим по-русски, но иногда переходим на английский, которым я владею теперь почти как русским.

Я доволен сыном. Он окончил, говоря русским языком, Нью-Йоркскую консерваторию по классу альты. Пишет музыку, занимается аранжировками, дирижирует. Живет отдельно. Четыре года назад мы купили ему квартиру в шикарном доме, в шикарном месте. У него нет телевизора. Все новости узнает из Интернета.

Моя жена Ирина работала на русском телевидении и в рекламе. А в России была членом Союза писателей, сочиняла стихи. Мы вместе писали песни. Меня часто спрашивали: "А как же общение? Здесь вы были в центре своего круга". Действительно, у меня была в Москве на Пушкинской площади двухсотметровая студия, где мы принимали гостей со всего мира. Но и в Нью-Йорке существует огромный круг людей, которых мы любим. Там довольно большой слой русских интеллектуалов — художников, писателей, артистов, философов. Нью-Йорк собрал отборнейшие силы российской интеллигенции: это Барышников, Шемакин, Неизвестный... Еще недавно там жил Бродский. Есть с кем поговорить. Я благодарен судьбе за то, что последнее десятилетие мне довелось прожить в Нью-Йорке. Это бесконечная фиеста, которая всегда с тобой. Никакой Париж, Лондон или Гамбург не могут сравниться с Нью-Йорком. Разве что Москва.

— Очень уж далека Америка...

— Скоро в России выйдет новая моя книга, так в ней будет глава "8 1/2 часов". Дело в том, что однажды, находясь в самолете и в очередной раз пересекая океан (делаю это раз шесть в год), я услышал слова пилота: "Рейс Нью-Йорк — Москва". Время в пути восемь с половиной часов". И я вспомнил, что, живя в Москве, часто ездил в Ленинград. Поезд шел те же восемь с половиной часов. Я тогда бесконечно мотался из Москвы в Ленинград — писал музыку для "Ленфильма". Ничего, оказывается, не изменилось. Только теперь летаю самолетом, а раньше ездил поездом. Земной шарик маленький. И Нью-Йорк на самом деле близко.

Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА